

Думаю, что я вообще — счастливый человек. Мне довелось встретиться в театре и в кино с мастерами, у которых можно и необходимо было учиться. Эти мастера и память о них заставляют меня относиться к себе с достойным вниманием. Раз уж избрал такой путь, надо отдать ему все силы и способности. Всё я и стараюсь этим заниматься...

Е. Самойлов

БИБЛИОТЕКА МАЛОГО ТЕАТРА

Евгений САМОЙЛОВ

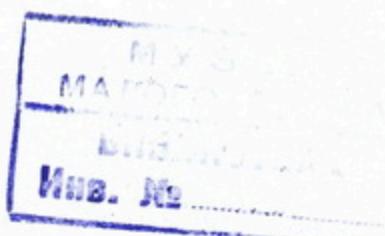

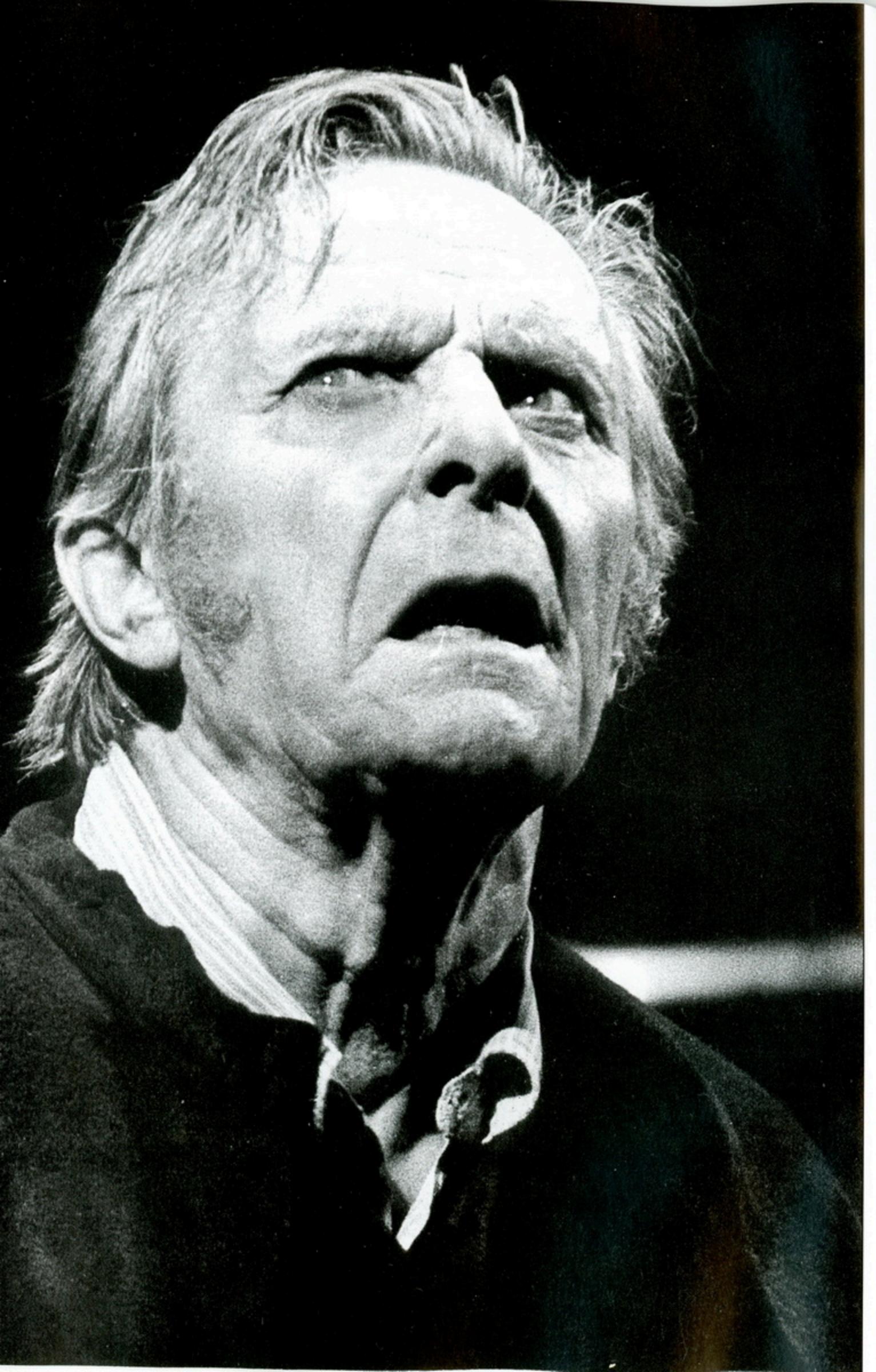

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Евгений САМОЙЛОВ

МОСКВА
© Малый театр, 2002 г.

Лет пять назад в телевизионной программе К—2 "Перпендикулярное кино" на протяжении нескольких воскресений показывали передачу "Народный артист как герой своего времени". Автор, Ирина Васильева, придумала цикл, не только вызывающий сопереживание, ностальгическое настроение, чувство возвращения в далекие времена, но и провоцирующий на спор — ведь у каждого зрителя, конечно же, есть не просто свой кумир, а некий круг кумиров того или иного десятилетия, своя точка зрения на то, почему именно этот артист оказался настолькоочно связан в сознании именно с этим временем.

Имена Владимира Зельдина и Михаила Ульянова, Алексея Баталова и Вячеслава Тихонова были выбраны отнюдь не случайно — они, эти фигуры, отражали общий замысел цикла, заключенный в смене эстетических и этических ориентиров, в которых прошло для всех нас ни много ни мало почти пять десятилетий. Но сама неслучайность выбора подчеркивала, как ни парадоксально это прозвучит, ту индивидуальную случайность, которая неизбежно проявляется, когда завязывается интрига между искусством и жизнью. Когда персонажи, словно из самой реальности шагнувшие на экран, возвращаются с него в повседневность преображенными, становясь идеалом, кумиром. Порой — для кого-то, порой — для большинства...

В той передаче сильно недоставало нескольких незаменимых именно с точки зрения абсолютного большинства имен, среди которых одним из самых значимых могло и должно было стать имя Евгения Валерьевича Семёнова, воплотившего на экране не только таких героев, как генерал Скобелев ("Герои Шипки"), Щорс в одноименном фильме, Михаил Фрунзе ("Крушение эмирата"), но и простых военных, становившихся кумирами миллионов женщин, заставлявших влюбляться, верить, ждать именно таких, какими были они, — Колчин ("Сердца четырех"), Павел Кудряшов ("В шесть часов вечера после войны")...

Именно с этими кинообразами, созданными в 40-х годах, к Евгению Семёнову пришла оглушительная слава. И это — отнюдь не случайность. Сегодня, когда мы пытаемся восстановить все упущенное, забытое, запретное в нашем культурном и историческом наследии, нельзя не задуматься над одной, очень существенной темой, темой армии. В 20-годы — романтическая, в 30-е — романтико-героическая, свой пик эта тема пережила в 40-50-е, когда советские офицеры, истинные сливки общества, элита, стали героями — победителями, освободившими мир.

Они все казались такими, какими воплотил их на экране Евгений Семёнов — ослепительно красивыми, мужественными, пылкими, чистыми, верящими в жизнь и умеющими отстоять ее в самых страшных битвах.

Они были определенными носителями определенных ценностей, идеалов, нравственных устремлений — бесспорных для всех вне зависимости от воспитания, образования, образа жизни.

Крутицкий в пьесе А.Н.Островского "Не было ни гроша, да вдруг алтын".

Ника-Вероника - Л.Г.Кичанова, Милочка - Т.А.Еремеева,
Сушкин - Е.В.Самойлов в пьесе И.Штока "Золотые костры".

От Колчина и Кудряшова исходили почти физически ощущимые сила и красота, готовность к подвигу и, одновременно, простота его свершения. Фильм "Сердца четырех" был снят еще до войны, а вышел на экраны в 1945 году, до Победы. Но в последние военные месяцы именно такой лейтенант Колчин становился символом того человека, который скоро, очень скоро с победой вернется домой. И женщины ждали и любили его, вот такого мужчину... Ну можно ли остаться равнодушным к человеку, от которого прямо к твоей душе направлены волны мужественной красоты и гармонии?!

Эта влюбленность в героев Евгения Самойлова передавалась нам, послевоенному поколению, от наших влюбленных матерей. Трудно даже вспомнить, сколько раз школьницами мы смотрели "В шесть часов вечера после войны", "Сердца четырех", "Светлый путь", искренне и глубоко веря в то, что только такими, простыми и светлыми, как в прекрасных этих сказках, могут быть любовь и дружба; только такими поэтическими, возвышенными должны быть и бывают человеческие отношения; только такими красивыми, ясноглазыми являются нам в один прекрасный день наши избранники...

Проходят годы и десятилетия, меняются люди, меняются их идеалы, и все больше склоняемся мы к тому, что ничего не остается неизменным...

Но вдруг...

Несколько лет назад я шла на встречу с Евгением Валерьевичем Са-

мойловым, чтобы взять интервью для номера журнала "Театральная жизнь", посвященного юбилею Малого театра. Встретились у служебного входа, поздоровались, познакомились. Евгений Валерьевич привел меня в свою гримерку. Мы сели в кресла. Жестом изящным и красивым Самойлов закурил и поднял на меня взгляд.

Время остановилось.

На меня смотрели пронзительно-синие, живые, молодые глаза лейтенанта Колчина, и показалось, что "все стало вокруг голубым и зеленым, в ручьях зашумела, запела вода, вся жизнь потекла по весенным законам, теперь от любви не уйти никуда..."

"Не уйти никуда!"

И хотя наш разговор должен был держаться исключительно "театральных рамок" биографии Самойлова, сам собою первым возник вопрос о кино: ведь Евгений Валерьевич давно уже не снимается, последней его киноработой стала роль Пимена в "Борисе Годунове" Сергея Бондарчука, но разве не нуждались мы на протяжении многих десятилетий именно в **самойловском герое**, человеке, от которого исходит спокойная мужественность, уверенность в жизни и в себе?

Честно говоря, сегодня, наверное, нужда в нем особенно велика, но изменилось наше кино, оно стало принципиально безгеройным. Но 60-е, 70-е, 80-е годы ставшего уже прошедшим века, разве им не нужен был такой герой?

- Кино — искусство особое. Снимался я только в молодые годы, давно уже не снимаюсь и не могу. Кино требует огромных физических сил. Это трудное искусство, очень трудное...

И нет в словах артиста ни горечи, ни разочарования, ни кокетства. Есть та прямота, в которую мы и влюблялись безоглядно, твердо веря, что только так и бывает во "взрослой жизни". Та прямота и простота констатации факта, которой так недостает во взрослой жизни, для многих из нас означающей уже приближающуюся старость...

Завидная черта...

Счастливая...

16 апреля Евгению Валерьевичу Самойлову исполнится 90 лет. В это невозможно поверить, настолько неприсущи артисту черты немощности, старения. Он красив той удивительной, величественно-прекрасной красотой, которой годы только придают весомость и отточенность. Его голос звучит сильно, молодо, свежо. Его интонации горячи и пронзительны. Весь его облик дышит удивительным спокойствием и непоколебимым чувством собственного достоинства. Его персонажи, даже если они и появляются на подмостках совсем ненадолго, как, например, Камердинер в спектакле "Коварство и любовь" или Карп в "Лесе", врезаются в память, глубоко волнуют и ... по-прежнему влекут к себе сердца.

Уже чем-то иным, не влюбленностью, а завораживающим чувством верной, неизменной любви. К изумительному, редкостного мастерства артисту. К личности, уникальные черты которой просвечивают в каждом, созданном Евгением Самойловым образе.

О себе Самойлов рассказывает скромно, хотя видно, что артисту не нужно напрягаться, чтобы вызывать воспоминания, они живут в нем и, подчиняясь малейшему импульсу, текут плавно и спокойно, подобно могучей и глубоководной реке.

Судьба привела Евгения Самойлова в театр почти случайно, как многих из его сверстников, — влияние отца, Валерьяна Саввича Самойлова, человека широких и разнообразных увлечений, сказалось в том, что сын еще в ранние годы с интересом ходил на спектакли Александринского и Большого драматического театров в Ленинграде, восхищался талантами И.Н.Певцова и Н.Ф.Монахова, Е.П.Корчагиной-Александровской и Ю.М.Юрьева, Н.Н.Ходотова и Л.С.Вивьена. Именно там, на подмостках двух выдающихся театров, формировался вкус, эстетические пристрастия Самойлова. Но сам он о сценической карьере не помышлял, мечтая стать художником. Однако, как это нередко бывало в биографиях наших замечательных артистов, поддался однажды на уговоры школьного друга и отправился с ним за компанию на прослушивание в частную студию Николая Николаевича Ходотова на Литейном проспекте. Тот случайный поход предопределил дальнейшую судьбу.

В числе принятых фамилий друга не оказалось, зато имя Евгения Самойлова там было. Так в 1928 году, еще не окончив школу, он начал заниматься по вечерам на актерском отделении студии, где преподавали мастера Александринки и Мариинки, а мастерство актера вел сам Николай Николаевич Ходотов!..

Но студия вскоре закрылась, Самойлов после школы поступил в Ленинградский художественный политехникум, а с 1930 года началась профессиональная деятельность артиста.

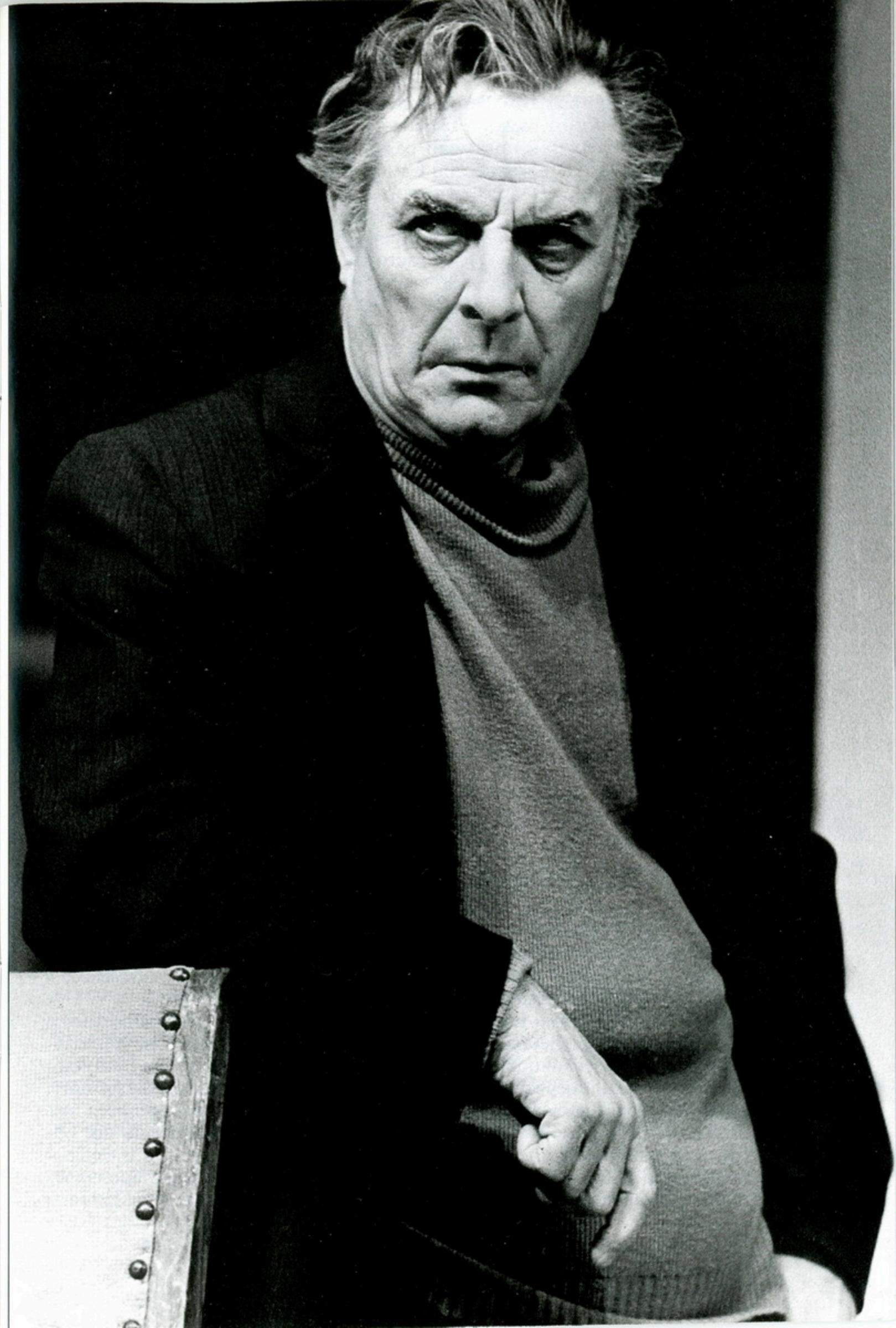
71 год на сцене...

Рассказывает Евгений Валерьевич Самойлов:

— Перевидел я на своем веку очень много актеров — и стариков Александринского театра, и Большого драматического, а после того, как переехал в Москву по приглашению Всеволода Эмильевича Мейерхольда, посещал Художественный театр, Малый, смотрел всех великих мастеров. Так что было это не только школой профессиональной, но и школой воспитания. Я ведь избрал свою профессию по дыханию своего сердца, после театра Мейерхольда работал в Театре Революции, ныне Театре имени Маяковского. Долгие годы работал с Николаем Павловичем Охлопковым, а в 1968 году, когда Охлопков ушел из жизни, покинул театр, потому что получил предложение от Михаила Ивановича Царева и художественного руководителя Малого театра Бориса Ивановича Равенских перейти в Малый. Так что с конца 68-го года я в Малом театре. Тоже — немало...

Думаю, что я вообще — счастливый человек. Мне довелось встретиться в театре и в кино с мастерами, у которых можно и необходимо было учиться. В 1930 году, как раз когда я закончил Ленинградский политехникум, мой учитель, Леонид Сергеевич Вивьен, открыл Театр актерского мастерства, куда пригласил Толубеева, Екатерининского, Меркурьева и меня, совсем еще молодого человека, вчерашнего студента. Это и был мой первый театр.

Сушкин в пьесе И.Штока “Золотые костры”.

Здесь, в Ленинградском Театре актерского мастерства, Евгений Самойлов сыграл свои первые роли. Ему, молодому красавцу с лучистыми синими глазами, Леонид Вивьен, опытный режиссер и педагог, поручал поначалу роли характерные. Первой работой Самойлова стал Кривой Зоб в спектакле по пьесе М.Горького "На дне", и талант художника, заложенный природой в молодого человека, совсем недавно мечтавшего о другой профессии, помог необычайно: надо было "подсмотреть" в жизни, тщательно отобрать и сделать своими и непривычную возрастную внешность, и соответствующую пластику. Вивьен остался доволен своим учеником — Самойлов был неизнаваем в роли!

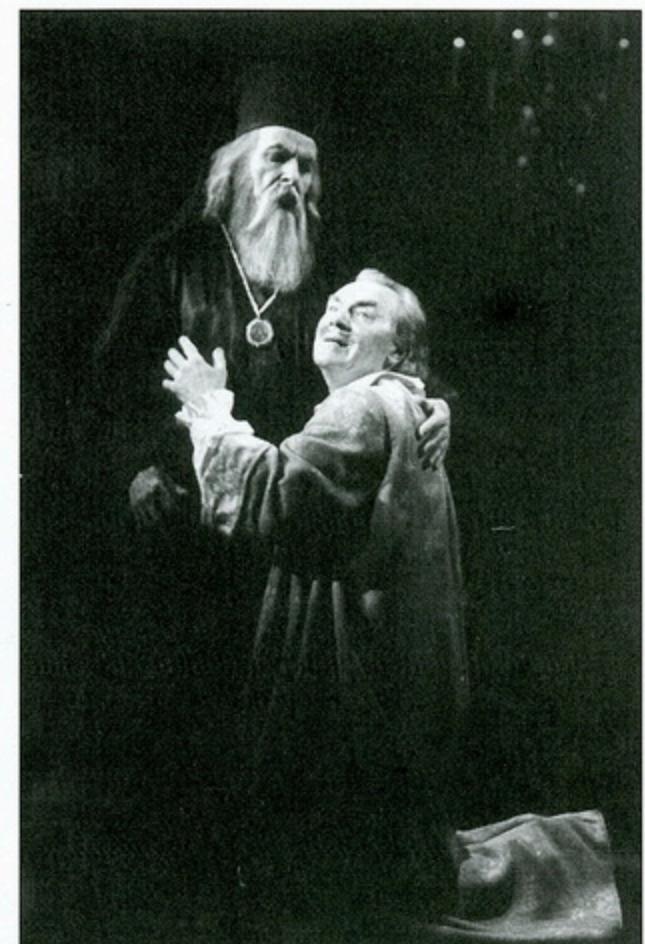
Уже потом, позже, он сыграл в "На дне" и Актера, и Ваську Пепла. Но это было потом, первая роль научила многому, а спустя несколько лет пришел и настоящий успех — роль Председателя укома в "Штурме" В.Биль-Белоцерковского. Плотно занятый в репертуаре, все больше и больше увлекаясь своей профессией, проникаясь высоким духом студийности, царившим в Театре актерского мастерства, Евгений Самойлов и не думал менять судьбу. Но судьба решила иначе.

Весной 1934 года на гастроли в Ленинград приехал Государственный театр имени Мейерхольда со своими спектаклями. Несмотря на занятость, Всеволод Эмильевич не мог не встретиться со своим старым другом Леонидом Вивьеном, посмотреть спектакли его нового театра. Ведь двух режиссеров связывали годы в Александриинке, опыт совместной работы, общие разочарования и радости. И можно только представить себе, каким же должно было быть волнение учеников Вивьена, когда они узнали, что на их спектаклях будет сам Мейерхольд! Евгений Самойлов прекрасно помнил впечатление, произведенное спектаклями Мастера в Александриинке, где ему еще школьником довелось видеть "Маскарад" и "Дон Жуана" с Юрьевым, Варламовым...

Посмотрев спектакли Театра актерского мастерства, Всеволод Эмильевич пригласил Евгения Самойлова в Москву, в свою труппу на амплуа молодого героя. Принять решение было непросто — с одной стороны, город, в котором вырос и стал артистом, город, где многое все: и великие театры, и великие музеи, и сам "дух Петра", которым на протяжении веков гордятся коренные питерцы, и семья (Самойлов недавно женился). С другой же — возможность работать с Мастером, с современной легендой. До чего же не-простым оказался выбор!..

- Всеволод Эмильевич Мейерхольд много со мной работал. После ухода Царева в Малый театр я играл у него Чакского в "Горе от ума", Нелькина в "Свадьбе Кречинского", Петра в "Лесе"... Потом Мейерхольдставил "Как закалялась сталь" Николая Островского, и я играл Павку Корчагина. На этом спектакле, собственно, и кончился театр...

За скромными фразами Евгения Валерьяновича стоит то, что мы называем сегодня историей отечественного театра. Но за ними скрыто и нечто большее — особенности личности Мейерхольда, поселившего Евгения Самойлова в своем доме на первое время, всячески помогавшего молодому артисту, потихоньку образовывавшего его, знакомившего с кругом выдающихся людей, бывавших в доме и театре. Благодаря Мейерхольду Самойлов мог общаться с такими людьми, как С.М.Эйзенштейн и А.Н.Толстой, В.В.Софроницкий и Л.И.Оборин. В каком-то смысле такое общение становилось сродни университетскому образованию. Не от того ли киногерои Евгения

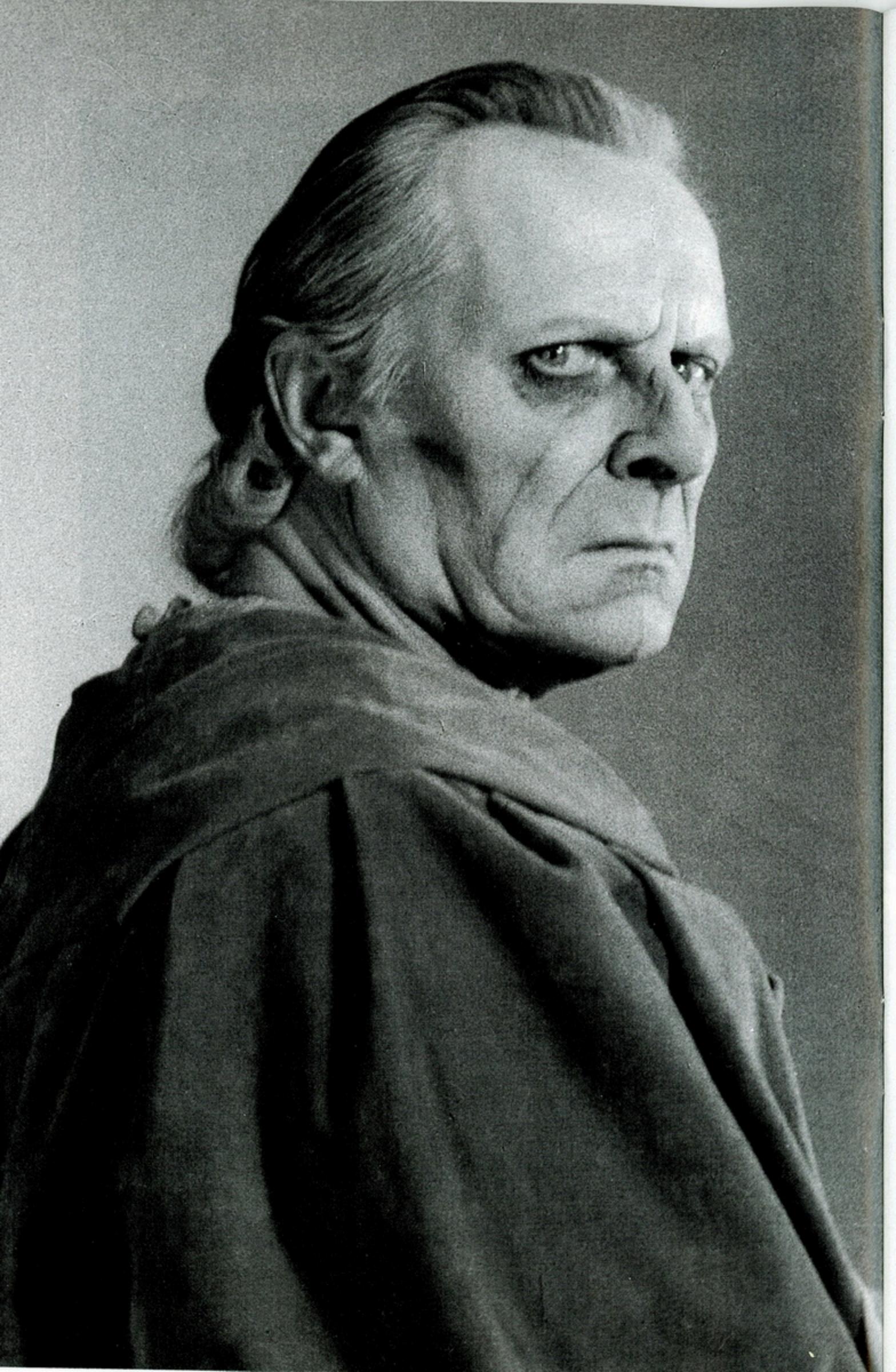
Несчастливцев - А.Ю.Ермаков, Карп - Е.В.Самойлов в пьесе А.И.Островского "Лес".

Феофан Прокопович - Е.В.Самойлов, Петр I - В.И.Коршунов в пьесе Ф.Горенштейна "Царь Петр и Алексей".

Самойлова, простые советские военные отнюдь не высших чинов, всегда обладали какой-то особой, словно врожденной интеллигентностью, воспитанностью, чувством внутренней гармонии?..

Несмотря на опыт работы у Л.С.Вивьена, Самойлов снова ощущал себя в ГосТИМе начинающим — для этого тоже понадобились определенные черты характера. Не будь Евгений Валерьянович столь упорным, терпеливым учеником, все могло бы сложиться иначе. Известный и извечный спор двух столиц нередко приводил к тому, что актеры, попадавшие из Ленинграда в Москву или наоборот, настолько твердо веровали в свою школу, что через какое-то время оставались из-за своих амбиций не у дел. Но Самойлову это не грозило. Он учился жадно, взахлеб. Учился у Мастера, у артистов Художественного, Малого, Вахтанговского театров, где проводил вечера на галерке. И, мне кажется, именно от этой широты и разнообразия впечатлений, от неустанного впитывания различных школ, тенденций, направлений постепенно вырабатывалась в Евгении Самойлове та отличительная черта, что становится все дороже с годами и десятилетиями.

Ведь и по сей день этот уникальный актер несет в себе отчетливо выраженное **романтическое начало**, романтическое уже не в том смысле, который вкладывался в это понятие тогда, когда молодой Самойлов играл Петра в

"Лесе" А.Н.Островского, Чацкого в "Горе от ума" А.С.Грибоедова, Нелькина в "Свадьбе Кречинского" А.В.Сухово-Кобылина, Эрнани в одноименной драме Виктора Гюго; когда он работал над так и не воплощенными ролями Григория Отрепьева в "Борисе Годунове" А.С.Пушкина и Павки Корчагина в спектакле "Одна жизнь" по роману Н.Островского "Как закалялась сталь".

Сегодняшний романтизм Евгения Валерьевича Самойлова — это героическое самоощущение людей, не боящихся высказать правду, не страшящихся пафоса, исполненных мужества и естественности порыва к поступку. Твердо верящих в свою правоту, потому что с ними, глубоко в душе, живет и правит всем нравственное чувство, основанное не в последнюю очередь на религиозности. Не фанатичной, не неофитской, глубоко осознанной и прочувствованной.

Таковы его князь Иван Петрович Шуйский ("Царь Федор Иоаннович" А.К.Толстого), Захарин-Юрев ("Царь Иоанн Грозный" А.К.Толстого), воплощенные в разные годы на сцене Малого театра...

Но вернемся в 30-е годы, когда Евгений Самойлов начинал совершенно новый для себя период жизни в Театре Мейерхольда. Период тем более новый, что в Театре актерского мастерства артист был занят в основном как характерный. Теперь ему предстояло овладевать принципиально новым репертуаром.

Первой работой стал ввод в спектакль "Лес", где Самойлов сыграл Петра, совершенно по-новому трактовав этот образ. Мейерхольд чутко уловил в молодом артисте не только яркий темперамент и широкий диапазон возможностей, но и очевидную склонность к героике и романтике. Эти черты были особенно востребованы временем и, развитые в Самойлове Мейерхольдом, оказались совершенно необходимыми для кино (еще в 1934 году, с разрешения Мастера, Самойлов снялся в роли Гриши Рыбина в лирической комедии "Случайная встреча" у И.А.Савченко — его обаяние подкупило сразу многих кинорежиссеров).

Но не только Всеволод Эмильевич обратил внимание на яркие возможности молодого артиста. На роль Кречинского в ГосТИМ был приглашен один из самых блестательных артистов романтической школы, Юрий Михайлович Юрьев. Сначала в процессе репетиций (Самойлов репетировал в том спектакле неудачливого влюбленного, помещика Нелькина), а потом и во внепрепетиционное время Юрьев начал заниматься с Евгением Валерьевичем, разрабатывая, разминая в актере основы героико-романтической школы. Школы уходящей, но незаменимой. Именно Юрьев подготовил с Самойловым роли Чацкого и Эрнани.

И случилось так, что на долгие годы и десятилетия Евгений Валерьевич Самойлов остался едва ли не единственным мастером сцены, владеющим этой великой тайной искусства: героико-романтической школой, питанной им от подлинных мастеров, едва ли не последних, кто ведал эту тайну.

Может быть, завершение кинобиографии артиста связано не с труднос-

Андреа Дориа в пьесе Ф.Шиллера "Заговор Фиеско в Генуе".

Чарльз - Ю.Н.Васильев, Бенволио - Е.В.Самойлов в пьесе Н.Йорданова "Убийство Гонзаго" /на развороте/.

тами кинопроизводства, а с тем, что из нашего кинематографа примерно с 70-х годов XX века ушла необходимость этой темы, этого мироощущения?..

Спектакль Мейерхольда "Одна жизнь" по роману "Как закалялась сталь" был посвящен 20-летию победы Великого Октября и задумывался как высокая трагедия. В воспоминаниях Евгения Габриловича, автора инсценировки романа Н.Островского, сохранился эпизод, который с огромной силой передает атмосферу этого, так и не вышедшего к зрителю спектакля. "Это был спектакль резкий, буйный, романтический, неистовый — такого Николая Островского я с тех пор ни разу не видел ни в театре, ни на экране. Я отчетливо помню эпизод, когда во время постройки железной дороги Павка Корчагин поднимал своих товарищей на работу. Все смертельно устали, голодны, изверились, злы, никто не хочет идти в дождь и холод на участок. И вот, использовав весь запас слов, ссылок на международное положение, шуток и призывов, Павка вдруг медленно и неуверенно начинал плясать. Он плясал совершенно один в тусклой мгле сырого барака, и его товарищи сперва с насмешкой, а потом с удивлением глядели на него с нар. А он плясал и плясал, все быстрей и быстрей, кружась, приседая, без всякой музыки, даже не подпевая себе. И вот уже кто-то стукнул ладонью по нарам в такт его пляске, застучал другой, третий, пошел легкий аккомпанирующий стук. Выскочил на середину барака еще один паренек и пошел в пляс рядом с Павкой. Повыснякали другие. А треск аккомпанемента все усиливался — ребята грохотали уже кулаками. И уже не один Павка, а десять, пятнадцать, двадцать ребят плясали под этот грохот. Грохот перерастал в гром, вступали барабаны оркестра, начинали медленно, а потом быстрей и резче перебегать по сцене, как бы тоже в пляске, лучи прожекторов. И вот уже как бы плясало все — ребята, лучи, барабаны, самые стены барака... Внезапно в этом вихре и громе начинала тихо-тихо звучать где-то, будто в недрах, в сердце барака, старая революционная песня. Росла, крепла, ширилась, и вот уже стихал танец... И под эту песню, в сиянии уже успокоившихся прожекторов шли в дождь и холод на труд".

И еще Габрилович вспоминает сцену, когда слепой и больной Корчагин поднимался с постели, чтобы идти на собрание и дать отпор оппозионерам. Он рассказывает о детальной разработке пластики, о жизни рук, пальцев слепого человека. И по двум этим описаниям можно составить себе впечатление и о спектакле, и о герое, Павке Корчагине, в трактовке молодого артиста, Евгения Самойлова. Тогда становятся понятными и живыми не раз читанные слова о том, что этой работой Самойлов сдал экзамен на пластическую выразительность образа, что он глубоко проникся секретами биомеханики, которую упорно осваивал на репетициях Мейерхольда.

Неполных четыре года отпустила судьба на общение Самойлова с Все-володом Эмильевичем Мейерхольдом. Как же этого мало!.. Но как это много, когда задумываешься над тем, насколько интенсивно шел процесс постижения себя и искусства, каким плотным, сжатым и сгущенным кажется время — неполных четыре года, всего только неполных четыре...

Платон Никитич Ангел в пьесе А.Коломийца "Дикий Ангел".
Шура - Л.В.Целиковская, Заварцев - П.А.Шпрингфельд,
Колчин - Е.В.Самойлов, Галя Мурашова - В.В.Серова
в кинофильме "Сердца четырех" /на развороте/.

И оставшиеся как напутствие слова Мастера: "Е.В.Самойлов — артист, который скоро займет на театральном фронте одно из первых мест в армии советских артистов. Вс. Мейерхольд".

В январе 1938 года театр был ликвидирован. Зритель так и не увидел спектакля "Одна жизнь" с Евгением Самойловым в роли Павла Корчагина. Артист был переведен в Малый театр, но ушел оттуда; влюбленный в своего учителя, болезненно переживший закрытие театра, Самойлов не в состоянии был выносить насмешек. Услышав однажды (не только о себе, но и о других артистах Мейерхольда, переведенных в Малый): "Формалисты пришли!.." — Самойлов покинул стены Академии, где еще совсем недавно с восторженным упоением смотрел с галерки на великие создания великих артистов.

До 1940 года, когда Самойлов был приглашен Николаем Павловичем Охлопковым в Театр Революции, артист, казалось бы, остро необходимый современному театру в силу своего редкого по широте диапазона (от трагической и героико-романтической до ярко характерной выразленности), оставался вне театра. И именно в этот момент его востребовал еще совсем молодой советский кинематограф, в котором у Самойлова появилась возможность использовать свои разнообразные способности. Так, в фильме "Том Сойер" Л.Френкеля артист сыграл сразу две роли — близнецов доктора и адвоката Робинзонов, а вскоре Самойлова вызвали на пробу к самому Александру Петровичу Довженко!

Сама судьба свершила так, что один из ассистентов Довженко присутствовал на прогоне "Одной жизни" у Мейерхольда и увидел артиста, не просто идеально подходившего на роль Щорса, но абсолютно соответствующего тому высокому, подлинно романтическому мироощущению, которое отличало режиссера, поэта, философа Александра Довженко. Можно смело сказать, что они нашли друг друга с той самой пробы, ставшей единственной, на которой Евгению Самойлову удалось показать Александру Петровичу все то, что вместе с Мейерхольдом он закладывал в фундамент характера своего Павки Корчагина.

Довженко мало было найти красивого, выразительного по пластике и интонациям артиста — ему нужна была личность. Благородная, возвышенная в своих устремлениях. Подлинно романтическая. А к этому моменту Евгений Валерьевич Самойлов был уже полностью сформировавшейся личностью именно такого плана.

Это была встреча поистине судьбоносная. И не только потому, что Евгений Самойлов блестательно сыграл в фильме "Щорс", но и потому, что после гибели Мастера и закрытия театра артист вновь нашел наставника, чье мироощущение и мировосприятие были невероятно близки ему. Александр Петрович Довженко, работая с Самойловым подробно, детально, привил артисту черту, которая осталась для него определяющей на всю жизнь — искать в каждом характере близкое, свое; идти от собственной индивидуальности, освобождая ее от наносного, неглубокого, неприродного. Только так может возникнуть искренность, которая одна и способна завоевать зрительские сердца.

Ханна Джелкс - Л.В.Титова, Джонатан Коффин - Е.В.Самойлов в пьесе М.Уильямса "Ночь игуаны".

Князь Иван Петрович Шуйский - Е.В.Самойлов, Царь Федор - Ю.М.Соломин в пьесе А.К.Толстого "Царь Федор Иоаннович".

Искренность героя.

Искренность артиста.

И как же это сложно, когда она, эта искренность, должна пронизывать собою не обыденные, бытовые ситуации, а подлинную жизнь человеческого духа, сформированного и овеянного высокими романтическими устремлениями! Здесь любое несовпадение в психологии персонажа и человека грозит фальшью. Здесь любое насилие над природой становится роковой ошибкой.

И этого не произошло, потому что Евгений Валерьевич Самойлов как человек, как личность полностью отвечал запросам Довженко. Они были, как говорится, "одной группы крови".

Роль полководца Щорса стала заметным событием не только в биографии Евгения Самойлова — по признанию современников, подобно своему персонажу, Самойлов стремительно ворвался в кинематограф, завоевав признание и, что особенно важно, любовь зрителей, которые интуитивно уловили то, что было так необходимо в смутное время: несостарившуюся революционную романтику, страстную веру в будущее, благородство души и силу интеллекта.

Если мы вспомним сейчас, какую огромную роль в жизни нескольких поколений играло кино, мы сможем в полной мере оценить тот восторг, то поклонение, ту любовь, которые вызывали к себе герои Евгения Самойлова. На протяжении десятилетий кинематограф воспитывал в нас, наравне с книгами, нравственный кодекс существования, был истинным ба-

рометром жизни. Сначала — отечественные фильмы о героических буднях и необходимости приближать светлое будущее, затем — повествования о наших золушках, становящихся в одну ночь принцессами, потом — трофейные прекрасные сказки о заморских золушках и принцах, затем — итальянский неореализм, первые польские фильмы, откровения Акиры Кurosавы.

Все это стало нашей историей, историей младенчества, детства, отрочества, юности большинства из тех, кого называли советскими людьми. Особой, еще далеко не до конца изученной общности людей.

Но среди всего этого калейдоскопа оставались неизменные ценности, неизменные имена, среди которых — Евгений Самойлов. Конечно, массовый кинозритель не мог оценить те черты актерской индивидуальности, которые так отчетливо проявлял в Самойлове театр. Для кино тех времен всегда важнее были привлекательная внешность и та внутренняя энергия, которая словно переливалась с экрана в зрительный зал, заражая, завораживая миллионные аудитории. И этой силой магнетизма Евгений Самойлов обладал как мало кто из артистов его поколения. Собственно, их можно пересчитать по пальцам, тех, кто нес в себе убеждающий, влекущий заряд огромной силы!..

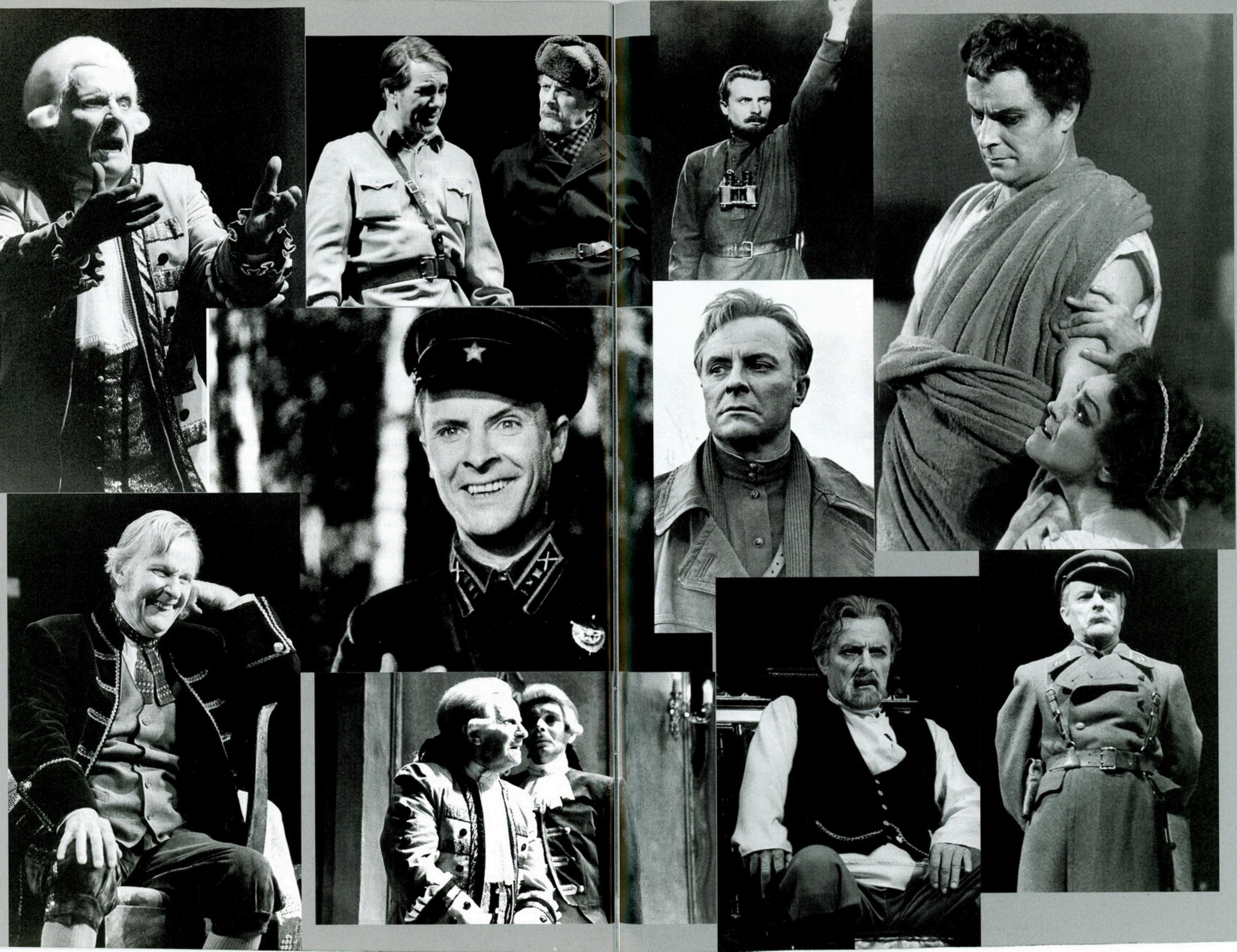
Евгений Самойлов снимался — можно сказать без преувеличения! — у самых крупных мастеров отечественного кинематографа: он работал с В.Пудовкиным и В.Корш-Саблиным, Г.Рошалем и И.Пырьевым, Ф.Эрмлером и Ю.Солнцевой, С.Васильевым и М.Чиаурели... С 1934 года, когда была сыграна первая роль Гриши Рыбина, до того момента, когда Самойлов сыграл свою последнюю кинороль, летописца Пимена в фильме Сергея Бондарчука "Борис Годунов", прошли десятилетия. По тем десяткам образов, которые были воплощены Евгением Валерьевичем на экране, можно составить своеобразную и очень интересную киноэнциклопедию; герои исторические и современные, различные состояния и настроения в жизни общества — все эти нити прошли через душу артиста, все они протянулись к нам, заставляя сопереживать, сочувствовать, размышлять.

Порой начинает казаться, что в причудливости судьбы Евгения Валерьевича Самойлова была своя строгая логика, своя предопределенность. От Вивьена — к Мейерхольду, от Мейерхольда — к Довженко, от Довженко — к Охлопкову вела Самойлова судьба, укрепляя, утверждая в артисте именно те черты, что с годами и десятилетиями стали составлять редкостную по целостности и красоте основу мастерства, то, что не раз уже на этих страницах было названо романтико-героической школой.

В этом смысле приход Евгения Самойлова в Театр Революции был предопределенный. Николаю Павловичу Охлопкову нужен был именно такой артист, артист-единомышленник, полностью принимающий и воплощающий его, режиссера, эстетическую программу.

Говорят Евгений Самойлов:

— История Николая Павловича Охлопкова тоже начиналась ведь у Мейерхольда, как и история Царева, Жарова, Ильинского, Яхонтова, Пырьева... Мейерхольд воспитал большое количество интереснейших актеров!.. С Охлопковым я проработал с 1943 по 1968 год. Я играл почти все премьеры, Николай Павлович ставил на меня, последними были спектакли "Гамлет" и "Медея". И этот диапазон в ролях, которые я играл на протяжении жизни, настолько размассировал меня, что сегодня сыграть, например, Карна в "Лесе" — для меня просто шутка.

Среди наиболее значительных работ Евгения Самойлова периода работы в Театре Революции (впоследствии — Театра им. Вл. Маяковского) называют Германа в арбузовской "Тане" и Мортимера в шиллеровской "Марии Стюарт", Алексея ("Обыкновенный человек" Л.Леонова) и Олега Кошевого ("Молодая гвардия" А.Фадеева), Павла Власова ("Мать" М.Горького) и Антипу Зыкова ("Зыковы" М.Горького), Лопахина в чеховском "Вишневом саде" и Платонова в штейновском "Океане", Ясона ("Медея" Еврипида) и Дикого ("Гроза" А.Н.Островского), Громова ("Аристократы" Н.Погодина) и Бондарева ("Перебежчик" Братьев Тур)... По одному неполному этому перечню любому, кто знает хотя бы самое общее содержание спектаклей, станет очевидным: уже вскоре после своего прихода к Охлопкову Евгений Самойлов стал особым, своего рода романтическим знаком этого театра. Но — знаком специфическим.

Точно ощущая время и те причудливые ассоциации и параллели, которые порой возникают вовсе не преднамеренно, но воспринимаются от того еще острее, Николай Охлопков умел по-особому трактовать прошлое — оно стремилось в будущее, отмечая настоящее лишь легкими, ненавязчивыми черточками. И именно в этом проявлялись романтическое восприятие действительности, романтическая устремленность к далекому, неизвестному. Для подобной театральной эстетики необходим был герой красивый, гармоничный, целеустремленный, пластичный внешне и внутренне. Актер ярко выраженной индивидуальности, которая способна пропускать через себя ветры времени, порывы страсти, не подчиняясь им, а подчиняя их себе, своей твердой этической и эстетической позиции.

Таким актером был Евгений Валерьевич Самойлов.

И именно с ним в главной роли к 30-летнему юбилею театра, в 1954 году, Охлопков воплотил свою давнюю мечту, поставил шекспировского "Гамлета".

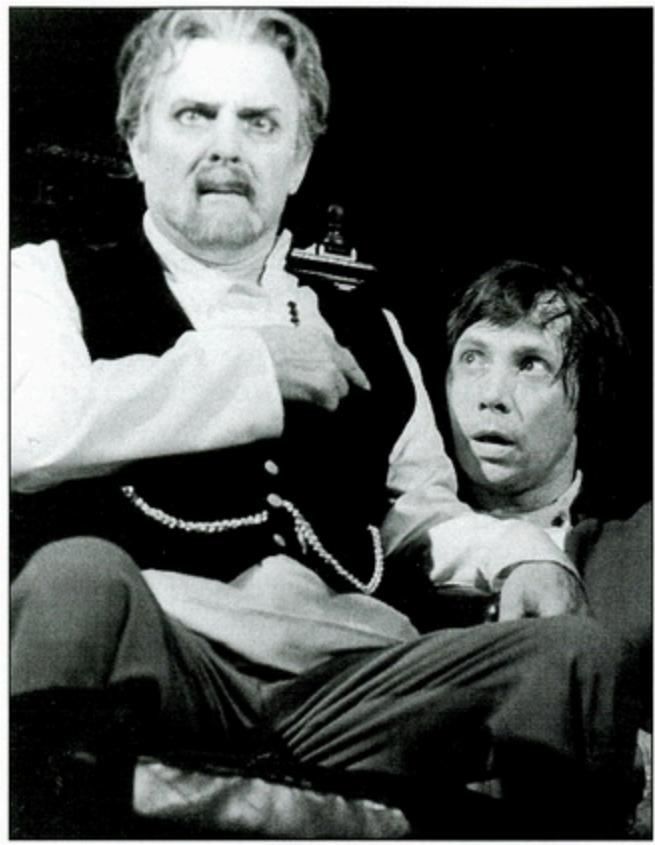
По мнению критиков, "на сцене появился светлый человечный Гамлет, Гамлет милосердный", соединивший в себе страстный порыв мятежности и высокий интеллект, много переживший, передумавший, перестрадавший. После этой работы заговорили о втором рождении Евгения Самойлова.

Он сыграл своего Гамлета не юношей, а мужчиной, знающим цену предательству, измене, ведающим несправедливость, расчет. Но — не смирившись, не поддавшимся, не потерявшим веру в красоту человеческого поступка, в обязательное торжество справедливости, даже если и приходится утверждать ее ценой собственной жизни. В Гамлете Самойлова, по воспоминаниям тех, кто видел артиста в этой роли, царило поразительное чувство собственного достоинства, твердость позиций, уверенность в высшей справедливости, приход которой необходимо приближать сознательно и упорно. Его Гамлет был ярко выраженным трагическим героем, в той, забытой ныне трактовке, когда трагедия непременно подпитывается романтической устремленностью и приводит в finale к катарсису.

После Гамлета крупнейшей работой Самойлова на сцене Театра им. Вл.Маяковского стал Ясон в "Медее" Еврипида — характер трагический, но

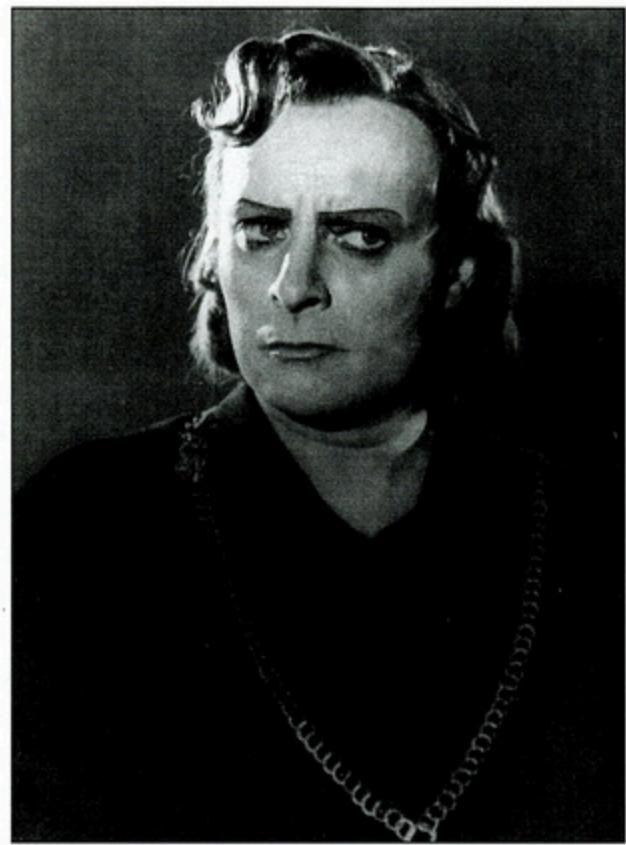
Захарин-Юрев в пьесе А.К.Толстого "Царь Иоанн Грозный".

Е.В.Самойлов: роли в театрах и кино /на развороте/.

Игнат Гордеев в пьесе М.Горького "Фома Гордеев".

Гамлет в одноименном спектакле Театра имени Вл.Маяковского.

прямо противоположный принцу Датскому. Целеустремленность, страсть, кипение мысли — все было подчинено иному, достижению "высшей власти". Ни о нравственности, ни о поисках внутренней гармоничности речь здесь не шла. Став первым на российской сцене исполнителем роли Ясона, Евгений Самойлов как бы утвердил некий стереотип, с которым оказались не в силах бороться последующие исполнители — законченный прагматик, готовый на любые жертвы для достижения своекорыстных целей, он полностью раскрывал свой темперамент лишь в финале, при виде трупов своих детей. И эта двойственность характера, всех его проявлений, обнажала подлинную глубину трагедии, приводя к катарсису.

В 1967 году в спектакле "Медея" Евгению Валерьевичу Самойлову довелось стать партнером великой греческой трагической актрисы Аспасии Папатанасиу — она сыграла Медею в Москве, и этот спектакль на всю жизнь запомнили те счастливцы, которым довелось попасть на него...

В том же 1967 году Николая Павловича Охлопкова не стало, и Евгений Самойлов принял приглашение М.И.Царева и Б.И.Равенских — с 1968 года Самойлов стал артистом Малого театра. На первый взгляд может показаться странным, что Самойлов вновь попытался войти в ту реку, в которую однажды уже входил. Но этот его приход в Малый театр был совершенно закономерным и естественным. В первый раз Евгений Валерьевич пришел на сцену старейшего русского театра после пережитой трагедии, закрытия Театра Мейерхольда. Пришел чужим, не по собственной воле, и не смог стать своим среди чужих.

На этот раз Самойлова позвали убежденные мейерхольдовцы, Михаил Иванович Царев и Борис Иванович Равенских. Свои. И выбор — идти или не идти — был свободным и осознанным. Это была следующая ступень всей лестницы, по которой некогда начинал подниматься к вершинам Славы и Любви молодой Евгений Самойлов еще в Театре актерского мастерства у Вивьена.

Рассказывает Евгений Самойлов:

— *Почему я пришел сюда? Потому что Равенских пригласил меня участвовать в спектакле "Царь Федор Иоаннович". Тогда же был приглашен и Иннокентий Смоктуновский. Спектакль идет до сих пор. Борис Иванович железнно поставил его по мизансценам — можно заменить любого артиста, но все равно остается невероятно сильное впечатление. Впечатление от работы замечательного режиссера, который воспитывался у гениального Мейерхольда. Это было мощное искусство, которого сегодня, к сожалению, уже нет... Последнее время я не играю в "Царе Федоре Иоанновиче", хотя роль Шуйского считаю одной из любимых и очень важных для себя. Сейчас я занят в репертуаре не очень много — играю Крутицкого в спектакле "Не было ни гроша, да вдруг алтын", Захарына в "Царе Иоанне Грозном", Карпа в "Лесе" Островского, Камердинера в "Коварстве и любви"... Принял ли меня Малый театр? Да, принял, и принял великолепно. С большим уважением относятся ко мне все, начиная от молодежи и кончая оставшимися еще стариками. Что значит для меня этот театр?*

Я в свое время пересмотрел здесь всех великих мастеров, которых застал. Потрясла Вера Николаевна Пащенная в "Вассе Железновой", великолепны были Михаил Жаров, Михаил Царев, с которыми мы были знакомы еще со времен Театра Мейерхольда... Потряс меня Остужев в "Уриэле Акосте", в "Отелло". Этот артист был явлением, которое покорило всю Москву. Я помню, как кончался спектакль и люди выходили из театра как после большого праздника...

Эти мастера и память о них заставляют меня относиться к себе с достаточным вниманием. Раз уж избрал такой путь, надо отдать ему все силы и способности. Вот я и стараюсь этим заниматься...

Тридцать лет и три года — таков временной отрезок связи Евгения Валерьевича Самойлова и Малого театра.

Целая эпоха.

Целая жизнь.

Здесь артистом созданы замечательные по выразительности, по широте диапазона образы. Такие, как Мастаков в горьковском "Старике" и Васин в "Русских людях" К.Симонова, Игнат Гордеев в спектакле по роману М.Горького "Фома Гордеев" и Крутицкий в "Не было ни гроша, да вдруг алтын" А.Н.Островского, Иван Петрович Шуйский и Захарын-Юрев в спектаклях по трилогии А.К.Толстого, Сушкин в "Золотых кострах" И.Штока и Платон Ангел в "Диком Ангеле" А.Коломийца, Андрея Дориа в шиллеровском "Заговоре Фиеско в Генуе" и Психиатр из "Возвращения на круги своя" И.Друцэ, Ватутин в "Обрыве" по роману И.А.Гончарова и Адольф в "Незрелой малине" И.Губача...

В последние годы "послужной список" Евгения Валерьяновича Самойлова пополнился такими образами, как Карп в "Лесе", Камердинер в "Коварстве и любви", князь Тугоуховский в грибоедовском "Горе от ума".

Казалось бы, все это — роли эпизодические, почти "без ниточки", как определяли некогда значительность и объем роли старые русские артисты. Но Евгений Самойлов несколькими штрихами создает характеры полноценные, на редкость разнообразные, эмоционально развернутые. О своем Карпе Самойлов сказал, что это — шутка, создать такой вот характер, используя свой богатейший опыт. Но для восторженных зрителей эта работа артиста — истинное наслаждение! От Карпа невозможно оторваться: его походка, жесты, мимика красноречивее нечастых реплик, весь облик этого изумительного старика дышит таким благородством, такой высотой духа, что кажется, нынешняя барыня, Раиса Гурмыжская, могла достаться этому старому слуге лишь по недоразумению: вырождаются дворянские роды, мельчают личности... Эх, служить бы ему Геннадию Демьяновичу с его понятиями о нравственности и человеческом достоинстве!..

А рядом — Камердинер герцога, который приносит леди Милфорд подарок и письмо от своего хозяина. Несколько минут на сцене, один монолог, но какой высокой, подлинно трагической страстью он исполнен! Как мощно, как красиво звучит голос старика, каким огнем справедливого гнева и обличительной силы горят его синие глаза! И какая напряженная, гулкая тишина наступает в зрительном зале. Оглушительная тишина, за которой следуют оглушительные аплодисменты...

А вот князь Тугоуховский на балу у Фамусова. Со своей трубкой у уха, с лукавым взглядом из-под нависших бровей. Полноте, впрямь ли он не слышит происходящего или, может быть, избрал для себя такой "ход", чтобы спрятаться от суэты жены и дочек, которых во что бы то ни стало надо выдать замуж?!

— Будучи очень молодым, начинающим актером, я клеил усы, бороду, нос... Вот и оказалось, что сейчас мне эти роли играть легче, чем героя-любовника. Это я уже не смогу сыграть...

Не сможет?

Не уверена...

Есть некая тонкая материя, судить о которой очень и очень сложно. Ведь понятие "героя-любовника", исконно связанное с молодым, красивым лицом, звучным, сильным голосом, ростом, фигурой и прочими внешними атрибутами, как-то постепенно с наших подмостков вытеснилось. Оно слишком сузилось, теперь и в классическом репертуаре возможны, допустимы совсем иные герои. Но внутренняя потребность в таком герое не только не ушла, а в каком-то смысле обострилась; мы отвыкли от красивых лиц с той же легкостью, с какой отвыкли от красивых чувств. Не потому ли с такой ностальгической, светлой тоской всматриваемся мы в кадры старых фильмов, где наши герои были именно такими?

И мы в глубине души, немного стесняясь этого, все-таки жаждем таких героев сегодня.

Но — их нет...

Они постарели вместе с нами...

И сегодня уже не встретишь на подмостках Гамлета, Чацкого, Арбенина, Ромео, которым "за сорок". И это, в сущности, очень хорошо, когда герои

предстают перед нами молодыми, свежими, полными сил и юношеских страсти. Им веришь, но... почему-то в них не влюбляются так безоглядно сегодняшние молодые, как влюблялись наши мамы и мы вслед за ними в не слишком молодых, прошедших войну, познавших истинные горести реальной жизни Гамлета и Чацкого, Арбенина и Ромео.

Евгений Самойлов в свои без малого 90 лет понимает, что уже не сможет сыграть героя-любовника. И в этом трезвом и спокойном понимании того, что позволено, а что не позволено в каждом возрасте, есть непривычная сегодня непреклонность человеческого и, в первую очередь, мужского достоинства. То, что мы полюбили и оценили в артисте более полувека назад.

В той нашей беседе с Евгением Валерьяновичем, естественно, возник вопрос о том, каким видится Самойлову будущее старейшего русского театра, его великой школы, его уникального мастерства. Этот фрагмент мне хотелось бы привести полностью, потому что в нем важны и слова, и настроение, и интонация артиста.

— Конечно, меня тревожит мысль о том, что будет дальше с моим театром. Последний из могикан Малого — Николай Александрович Анненков уже почти не работает, он очень старый человек (разговор состоялся в 1998 году, когда Анненков был еще жив и играл на сцене — Н.С.). И, конечно, меня заботит мысль: что останется после неизбежного ухода самых старших артистов. Ведь рано или поздно они уйдут, и молодежь должна их заменить.

- Но можно ли их заменить? Другая культура, другая школа...

— Конечно. Поэтому все так сложно. Когда 60 с лишним лет проведешь на сцене, — в тебе возникает особое к ней отношение. Я прихожу на сцену после второго звонка и перед выходом осеняю себя крестным знамением со словами: "Господи, благослови меня на мой творческий процесс!.." То, что я видел, как выходили на сцену старики, как они относились к ней, — впиталось, вросло в меня.

- Может быть, сегодняшняя молодежь тоже впитает это от Вас? Они же видят, как Вы выходите на сцену...

— Многие видят, а многие — и не замечают. Другое время... Ведь такого святого отношения к искусству уже нет. А жаль... Знаете, мне рассказывал ушедший уже актер Александринского театра, Александр Борисов, о смерти Юрия Михайловича Юрьева. Он был уже очень болен, не выходил из дома, и вдруг... несколько молодых артистов, среди которых был и Борисов, увидели, как после спектакля подъехала к пустому и темному театру машина, из нее с трудом выбрался Юрий Михайлович и вошел в театр. Он пошел на сцену — пустую, темную, освещенную всего одной лампочкой. Опустился на колени, поцеловал пол сцены, на которой играл всю жизнь, и поехал домой умирать...

Эту историю, рассказалую мне Евгением Валерьяновичем Самойловым, можно оценить как грустную, исполненную светлой печали, а можно — как прекрасную в своей возвышенной чистоте отношения к делу, которому служишь. К тому делу, на которое необходимо ежедневно просить благословения, осеняя себя крестным знамением. Святому делу...

Да, время стало другим. И никто из нас не в силах изменить его величественную и размеренную поступь, устремленную вперед, к неведомому,

непознанному, неизвестному. Но с нами, в нас остаются навсегда наши привязанности, наши ценности, наша любовь и наше поклонение.

16 апреля 2002 года Евгению Валерьяновичу Самойлову исполнится 90 лет. Он по-прежнему красив, прожитые годы добавили его лицу значительности, подчеркнули чувство собственного достоинства и мужскую твердость характера. Его голос звучит по-прежнему мощно, властно, сильно, забирая в свой плен, заставляя вслушиваться в каждую интонацию.

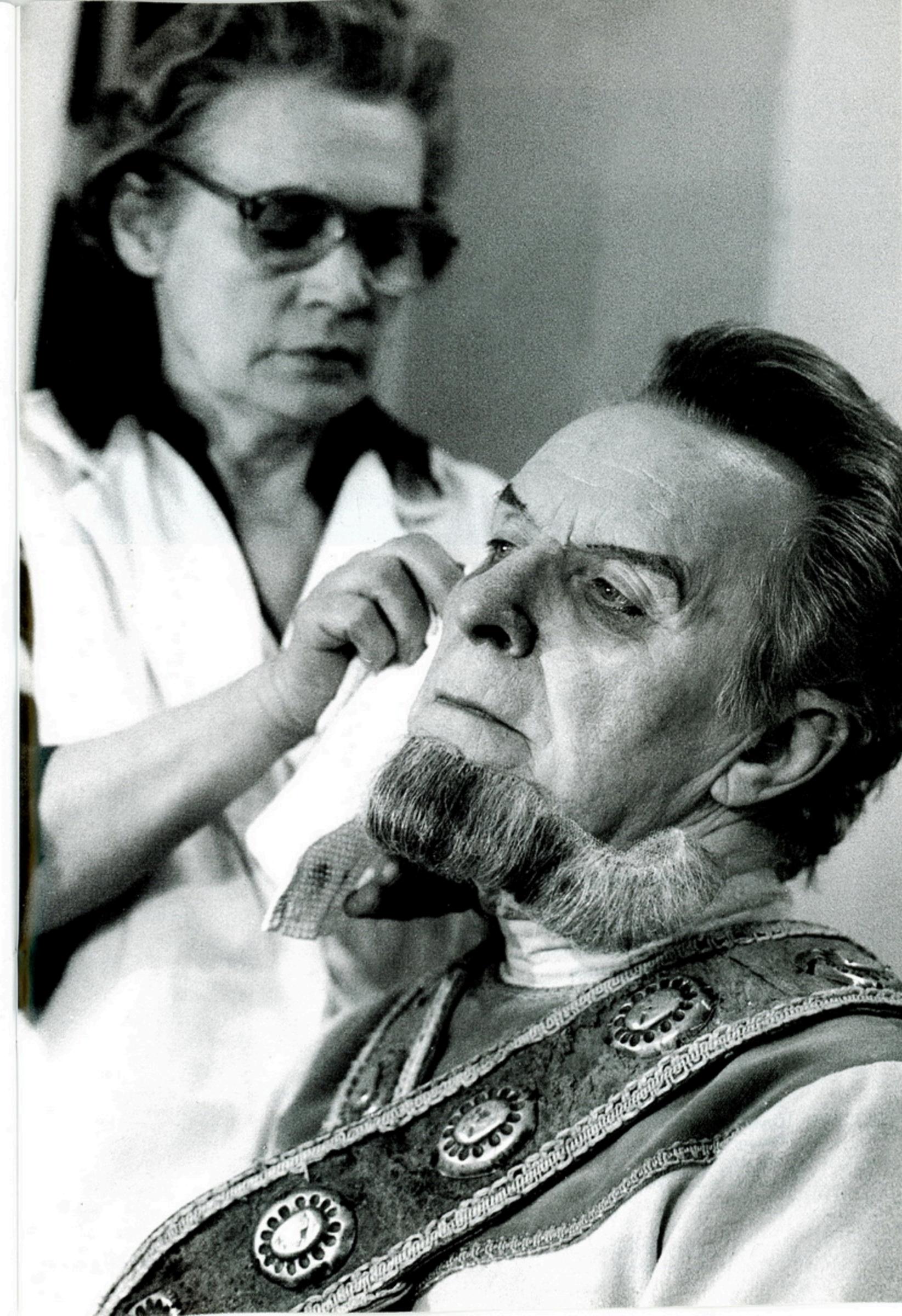
Когда я прихожу в Малый театр, я всматриваюсь в ряды — нередко среди зрителей можно увидеть Евгения Валерьяновича Самойлова. Его четкий, редкой красоты профиль влечет к себе взгляды, его по-прежнему узнают, глаза женщин старших поколений вспыхивают влюбленной радостью, в которой отражается, словно в двойной оптике, собственная молодость и молодость героев Самойлова. И кажется, что атмосфера в зрительном зале выбирает, как-то по-особому наэлектризованная его присутствием; все становится вокруг голубым и зеленым, все напоено ожиданием любви или хотя бы чуда.

Эта атмосфера носит сухое, мало о чем говорящее название — "зрительское поклонение". За ним, однако, стоит целая жизнь. Не только Евгения Валерьяновича Самойлова, но и тех, для которых он остался навсегда Петром и Нелькиным, Гамлетом и Ясоном, Колчином и Щорсом, лейтенантом Кудряшовым и генералом Скобелевым, Шуйским и Захариным-Юревым. Для кого останется Карпом, Тугоуховским, Камердинером и любым из персонажей, на создание которых благословит Господь любимого, изумительного артиста

Евгения Валерьяновича Самойлова...

Гример Л.Н.Захарова готовит Е.В.Самойлова к спектаклю
“Царь Федор Иоаннович” А.К.Толстого 27 марта 1991 года.

А.Е. и Е.В.Самойловы около здания Малого театра.

**Библиотека
Малого театра**

Выпуск 6. Евгений САМОЙЛОВ

Ответственный редактор В.В.Подгородинский

Автор **Н. Старосельская**

Оформление **Н.Шубина**

Корректор **В.Авдеева**

Фото **Л.Нелиновой**, из архивов Малого театра

и Театра имени Вл.Маяковского

Сдано в набор 11.03.2002.

Подписано в печать

26.03.2002. Формат 60x90 1/16.

Бумага мелованная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2.

Усл. кр.-отт. 2,75.

Уч.-изд. л. 2,3. Тираж 3 000 экз.

Цветоделение
и верстка:
ЗАО «Редакция журнала
«Юный художник»

Печать:
Компания «Холдинг-Принт»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Валерий БАБЯТИНСКИЙ

Валерий БАРИНОВ

Виктор БОРЦОВ

Василий БОЧКАРЕВ

Элина БЫСТРИЦКАЯ

Евгения ГЛУШЕНКО

Татьяна ЕРЕМЕЕВА

Юрий КАЮРОВ

Виталий КОНИЕВ

Афанасий КОЧЕТКОВ

Эдуард МАРЦЕВИЧ

Александр МИХАЙЛОВ

Ирина МУРАВЬЕВА

Виктор ПАВЛОВ

Людмила ПОЛЯКОВА

